

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Каннингем, Майкл.

К19 Снежная королева : роман / МАЙКЛ КАННИНГЕМ; пер. с англ. Д. КАРЕЛЬСКОГО. — Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-17-121260-5

Герои романа “Снежная королева” — братья Баррет и Тайлер, истинные жители богемного Нью-Йорка, одинокие и ранимые, не готовые мириться с утратами, в вечном поиске смысла жизни и своего призвания. Они так и остались детьми — словно герои сказки Андерсена, они блуждают в бесконечном лабиринте, пытаются спасти себя и близких, никого не предать и не замерзнуть. Особая роль в повествовании у города, похожего одновременно на лавку старьевщика и неизведанную планету, исхоженного вдоль и поперек — и все равно полного тайн. Из места действия Нью-Йорк незаметно превращается в действующее лицо, причем едва ли не главное.

Майкл Каннингем, автор знаменитых “Часов” и “Дома на краю света”, вновь подтвердил свою славу одного из лучших американских прозаиков, блестящего наследника модернистов. Тонко чувствующий современность, Каннингем пытается уловить ее ускользающую сущность, сплетая прошлое и будущее, обыденное и мистическое в ярком миге озарения.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121260-5

© 2014 by Mare Varogum Corp.
© Д. Карельский, перевод на русский язык, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020
© ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS ®

Посвящается Билли Хау

Холодно и пустынно было в просторных чертогах Снежной королевы. Их освещало северное сияние, оно то вспыхивало ярче в небесах, то вдруг слабело. Посреди самой большой и пустынной снежной залы лежало замерзшее озеро. Лед на нем раскололся на тысячи кусков, на удивление ровных и правильных. Посреди озера, когда бывала дома, восседала на троне Снежная королева. Озеро она называла “Зеркалом Разума” и говорила, что это лучшее и единственное зеркало в мире.

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН
“Снежная королева”

Вечер

Баррет Микс узрел небесный свет над Центральным парком четыре дня спустя после того, как был в очередной раз брошен. Любовь и прежде, разумеется, награждала его оплеухами, но никогда еще они не имели форму пяти строчек текста, при том что пятая состояла из убийственно формального пожелания удачи и завершалась тремя строчными иксами, типа поцелуйчиками.

Четыре дня Баррет изо всех сил старался сохранить присутствие духа перед лицом череды расставаний, которые, как виделось ему теперь, с каждым разом оказывались все немногословнее и прохладнее. Когда ему было двадцать-двадцать пять, его романы обычно завершались рыданиями и шумными ссорами, будившими соседских собак. Однажды у них с без пяти минут бывшим возлюбленным дошло до кулачной драки (у Баррета по сю пору стоит в ушах грохот опрокинутого стола и не-

ровный стук, с каким мельничка для перца пока- тилась по половицам). В другой раз была громкая перебранка посреди Барроу-стрит, разбитая в сердцах бутылка (при слове “влюбиться” Баррет до сих пор с неизбежностью вспоминает осколки зеленого стекла, поблескивающие на асфальте в свете уличного фонаря) и старушечий голос — ровный и нескандальный, какой-то устало-материнский, — раздавшийся откуда-то из темноты первых этажей: “Ребятки, здесь же люди живут, и им спать хочется”.

После тридцати и дальше, ближе к сорока, расставания стали напоминать переговоры о расторжении деловых отношений. Боли и взаимных упреков хватало по-прежнему, но надрыва заметно поубавилось. Да, мол, что поделаешь — мы возлагали на совместные инвестиции большие надежды, но они, увы, не оправдались.

Этот последний разрыв, однако, был первым, о котором он узнал из эсэмэски, неожиданных и нежеланных прощальных слов, всплывших на экране размером с кусочек гостиничного мыла. *Баррет привет ты сам наверно все уже понял. Мы ведь сделали уже все что от нас зависело?*

Баррет, собственно, не понял ничего. До него, естественно, дошло — любви больше нет, как нет и подразумевавшегося ею будущего. Но вот это *ты сам наверно все уже понял...* Все равно как если бы дерматолог сказал тебе непринужденно после рутинного ежегодного осмотра: *вы, наверно, уже сами поняли, что вот эта вот родинка на щеке, это оча-*

ровательное темно-шоколадное пятнышко, которое, как многие справедливо считают, только добавляет вам привлекательности (не помню, кто это мне рассказывал, что Мария-Антуанетта рисовала себе мушку точно на том же самом месте?), так вот, эта родинка — это рак кожи.

Ответил Баррет тоже эсэмэской. И-мейл, он решил, выглядел бы в этой ситуации слишком старомодно, а телефонный звонок — чересчур драматично. На крошечной клавиатуре он набрал: *Как-то это внезапно, может нам лучше встретиться поговорить. Я на месте, xxx.*

К концу второго дня Баррет успел отправить еще две эсэмэски и оставить два голосовых сообщения. Следующую за вторым днем ночь он боролся с желанием оставить еще одно. К вечеру третьего дня он не только не получил ответа, но и начал осознавать, что ждать бессмысленно; что ладно сложенный канадец, аспирант-психолог из Колумбийского университета, с которым Баррет пять месяцев делил постель, стол и шуточные беседы, мужчина, сказавший: “Видно, все-таки я тебя люблю”, когда Баррет, сидя в одной с ним ванне, прочитал наизусть *Ave Maria* Фрэнка О’Хары, и знавший, как называются все деревья в Адирондакских горах, где они вместе провели тот уик-энд, — что этот человек пошел дальше своим путем, уже без него; что Баррет остался стоять на платформе, недоумевая, как это он умудрился не успеть на поезд.

Желаю тебе счастья и удачи в будущем. xxx.

Вечером четвертого дня Баррет шел через Центральный парк, возвращаясь от дантиста, визит к которому, с одной стороны, угнетал его своей банальностью, но зато, с другой, мог сойти за проявление мужества. Избавился от меня пятью пустыми и обидно безличными строчками — ну и пожалуйста! *(Очень жаль, что у нас не получилось, но мы ведь оба сделали все, что от нас зависело.)* Не стану же я из-за тебя пренебрегать уходом за зубами. Лучше я узнаю — с радостью и облегчением узнаю, — что на данный момент в депульпации корневого канала необходимости нет.

И тем не менее мысль о том, что ему больше никогда не принесет радости чистое и беззаботное очарование этого парня, так похожего на юных, гибких и невинных атлетов с восхитительных картин Томаса Икинса; что ему никогда больше не видеть, как, перед тем как лечь, он стягивает с себя трусы, как невинно восторгается приятными пустяками вроде сборника Леонарда Коэна, который Баррет записал для него на кассету и назвал “Почему бы тебе не покончить с собой”, или победы “Нью-Йорк рейнджерс”, — мысль эта казалась ему абсолютно невозможной, противоречащей всем законам физики любви. Несовместим с ними был и тот факт, что Баррету, скорее всего, так никогда и не узнать, что же всему виной. В последний месяц или около того у них несколько раз вспыхивали перепалки, случались неловкие паузы в разговоре. Но Баррет объяснял это для себя тем, что их отно-

шения вступают в новую фазу, видел в мелких размолвках (“Хоть иногда можно постараться не опаздывать? Почему я должен отдуваться за тебя перед своими друзьями?”) признаки крепнущей близости. Он даже отдаленно не мог вообразить, как в одно прекрасное утро обнаружит, проверив входящие эсэмэс, что любви конец и ее не жалче, чем пару потерянных солнечных очков.

Тем вечером, когда ему было явление, Баррет, обнадеженный благополучным состоянием корневого канала и клятвенно пообещавший еще регулярнее использовать зубную нить, пересек Большую лужайку и уже подходил к залитому светом айсбергу музея “Метрополитен”. С деревьев капало, Баррет с хрустом продавливал подошвами серебристо-серый наст, срезая напрямую к станции шестой линии подземки, и радовался, что скоро окажется дома с Тайлером и Бет, радовался, что они его ждут. Все его тело онемело, словно от новокаинового укола. Голову занимала мысль, не превращается ли он к своим тридцати восьми годам из героя трагической страсти, из юродивого ради любви в менеджера среднего звена, который, провалив одну сделку (да, компания понесла некоторый урон, но отнюдь не катастрофический), принимается за подготовку следующей, возлагая на нее не меньшие, разве что чуть более реалистичные надежды. Ему больше не хотелось подниматься в контратаку, наговаривать часовые сообщения на автоответчик, подолгу выстаивать на страже у подъезда быв-